РАЗДЕЛЬНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ ГРУПП И ПРАВО НА ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ НАРУШЕНИЯХ

Тешаева Мухаббатбегим Илхомжон кизи
Магистр международного прва
Унивеситета Мировой Экономики и Дипломатии
Muhabbatbegimteshaeva@gmail.com

Аннотация. Право на эффективное средство правовой защиты сформулировано применительно к нарушению, но не к структуре нарушителя. Обосновывается, что при трансграничных нарушениях внутри корпоративных групп корреспондирующая обязанность может быть формально исполнена каждым затронутым государством и остаться неисполненной по существу. Предлагается определять обязанность государства через сочетание порога тяжести нарушения, критерия способности влиять на риск и процессуальных гарантий равенства сторон.

Ключевые слова: эффективное средство правовой защиты; раздельная правосубъектность; корпоративные группы; ответственность материнской компании; доступ к правосудию; грубые нарушения прав человека; экстратерриториальные обязательства; должная осмотрительность; разрыв в ответственности.

Annotatsiya. Samarali huquqiy himoya vositasiga bo’lgan huquq huquqbuzarlikka nisbatan shakllantirilgan bo’lib, huquqbuzarning tuzilmasiga nisbatan emas. Maqolada asoslanishicha, korporativ guruhlar ichidagi transchegaraviy huquqbuzarliklarda tegishli majburiyat har bir davlat tomonidan rasmiy ravishda bajarilishi va ayni paytda mohiyatan bajarilmay qolishi mumkin. Davlat majburiyatini huquqbuzarlik og’irligi chegarasi, xavfga ta’sir ko’rsatish qobiliyati mezoni va

tomonlar tengligining protsessual kafolatlari uyg'unligida belgilash taklif etiladi.

Kalit so'zlar: samarali huquqiy himoya vositasi; alohida huquq subyektligi; korporativ guruhlar; bosh kompaniya javobgarligi; odil sudlovga erishish; inson huquqlarining qo'pol buzilishi; ekstraterritorial majburiyatlar; zarur sinchkovlik; javobgarlikdagi uzilish.

Abstract. The right to an effective remedy is framed by reference to the violation rather than to the structure of the wrongdoer. The article argues that, in transnational violations occurring within corporate groups, the corresponding obligation may be formally discharged by each affected State while remaining substantively unfulfilled. It proposes that the State's obligation be defined through a combination of a severity threshold, a capacity-to-influence criterion and procedural guarantees of equality of arms.

Keywords: effective remedy; separate legal personality; corporate groups; parent company liability; access to justice; gross human rights violations; extraterritorial obligations; human rights due diligence; responsibility gap.

Постановка проблемы. Дочерняя компания в государстве Б причиняет вред местному населению, будучи недокапитализированной, и после предъявления требований ликвидируется. Материнская компания, определявшая политику группы, зарегистрирована в государстве А и по общему правилу не отвечает по обязательствам дочерней. Потерпевший не находит платёжеспособного ответчика в первом государстве и находит постороннего - во втором. Оба государства при этом формально исполнили обязанность, обеспечив доступ к суду в пределах собственной юрисдикции.

Отсюда исследовательский вопрос: *препятствует ли раздельная правосубъектность корпоративной группы реализации права на эффективное средство правовой защиты при трансграничных нарушениях, и какие обязанности возникают в связи с этим у государства*?

Носителем обязанности выступает государство. Корпорация не является субъектом международного права; именно поэтому Руководящие принципы ООН оперируют понятием «воздействия», а не «нарушения» применительно к деятельности предприятий. 1 Корпоративная структура рассматривается далее как обстоятельство, препятствующее реализации права потерпевшего.

Нормативная основа. Право закреплено в статье 2(3) Международного пакта о гражданских и политических правах. 2 Комитет по правам человека разъяснил, что обязанность включает доступ к компетентному органу, расследование и возмещение, причём средство защиты должно быть действенным на практике, а не только в законодательстве. Основные принципы 2005 года конкретизируют это содержание применительно к грубым нарушениям. 3 Все указанные документы построены вокруг характера нарушения, а не организационной формы причинителя вреда.

Обязанность носит позитивный характер и распространяется на деяния частных субъектов, включая деятельность подконтрольных государству предприятий за рубежом. Замечание общего порядка № 24 впервые системно консолидировало практику Комитета по экономическим, социальным и культурным правам применительно к наиболее спорным вопросам в сфере предпринимательства и прав человека. При этом третий столп Руководящих принципов остаётся наименее развитым: законодательство активно регулирует поведение компаний, сохраняя молчание относительно последствий ненадлежащего поведения.

---

1 Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: документ ООН A/HRC/17/31 (2011). Принципы 3(d), 11, 13 и комментарий.

2 Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 23 марта 1976 г.) // UNTS. Vol. 999. P. 171. Ст. 2(3).

3 Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьёзных нарушений международного гуманитарного права: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/147 от 16 декабря 2005 г.

Механизм препятствия. Корпоративная группа представляет собой совокупность юридически самостоятельных образований, связанных участием в капитале, договорами или иными механизмами контроля и координации. Большинство правопорядков не признают группу единым субъектом права, и единого определения корпоративной группы не существует. Принцип раздельной правосубъектности, восходящий к делу *Salomon*, означает, что компания отлична от своих участников даже будучи полностью им подконтрольной 4 . В международно-правовом измерении тот же принцип подтверждён в деле *Barcelona Traction*, где Международный суд вместе с тем признал, что снятие корпоративной вуали допустимо и на международном уровне при наличии особых обстоятельств.5

Препятствие воспроизводится на трёх уровнях одновременно. На материально-правовом это материнская компания не отвечает по обязательствам дочерних, даже владея всеми их акциями. Блумберг описывал это как систему правовых щитов, где верхние уровни изолированы от обязательств нижних через несколько слоёв владения. Действующая конструкция позволяет распределять риск, избегая ответственности, даже при существенном влиянии на дочерние структуры.6 Мухлинский характеризует возникающий дисбаланс как положение, при котором материнская компания извлекает выгоду из деятельности группы, оставаясь юридически изолированной при причинении вреда. На процессуальном является иск, предъявленный ненадлежащему лицу внутри группы, подлежит прекращению, что подтверждается новейшей практикой по делу Suez.

4 Salomon v A Salomon & Co Ltd [1897] AC 22 (Палата лордов)

5 Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Бельгия против Испании), вторая стадия: решение Международного суда ООН от 5 февраля 1970 г. // I.C.J. Reports 1970. P. 3. Пункты 56–58.

6 Mares R. Liability within Corporate Groups: Parent Companies' Accountability for Subsidiary Human Rights Abuses // Research Handbook on Human Rights and Business / eds. S. Deva, D. Birchall. Cheltenham: Edward Elgar, 2020.

На доказательственном считаются сведения о контроле находятся внутри группы, и потерпевший обязан доказать то, к чему по определению не имеет доступа.

Существующие ответы и их пределы. Доминирующим решением стала конструкция прямой ответственности материнской компании за собственное упущение. В деле *Vedanta* установлено, что обязанность заботы возникает не из факта материнства, а в зависимости от того, в какой мере материнская компания воспользовалась возможностью вмешаться в управление операциями дочерней[7]. В деле *Okpabi* подтверждено, что ключевым является достаточный уровень контроля над операциями, причинившими вред[8]. Параллельно развивается законодательный путь который французский закон о должной бдительности предусматривает гражданскую ответственность за предотвратимый вред, а в марте 2026 года парижский суд впервые признал материнскую компанию ответственной за недостатки плана бдительности применительно к иностранной дочерней структуре. Ни один из механизмов разрыв не закрывает. Конструкция прямой обязанности срабатывает лишь при доказанном операционном вовлечении и бесполезна при рассредоточенном контроле. Законодательные режимы не унифицированы: германский закон о цепочках поставок не устанавливает гражданской ответственности и не даёт права на прямой иск,[9] а гармонизированный режим ответственности, первоначально предусмотренный директивой ЕС 2024 года, был устранён в результате пересмотра 2026 года. Сдвиг в распределении обязанностей не повлёк сопоставимого сдвига в ответственности.

7 Vedanta Resources plc v Lungowe [2019] UKSC 20, [2020] AC 1045 (Верховный суд Соединённого Королевства).

8 Okpabi v Royal Dutch Shell plc [2021] UKSC 3, [2021] 1 WLR 1294 (Верховный суд Соединённого Королевства).

9 Закон Германии об обязанностях предприятий по проявлению должной осмотрительности в цепочках поставок (LkSG) от 16 июля 2021 г. // BGBl. I. 2021. S. 2959.

Авторская позиция. Возражение о функциональности раздельной правосубъектности уязвимо в основании. Как показал Брунер, правосубъектность корпорации и объём её защит конституируют друг друга взаимно, а содержание корпоративных прав определяется только через внешние нормативные критерии. Ещё Харт предложил переформулировать вопрос: логически корректной является не постановка «что есть корпорация», а «при каких условиях право возлагает на корпорации ответственность». Ссылка на раздельную правосубъектность как на неприкосновенное основание помещает спорный нормативный вывод в описательную посылку. Вопрос не в допустимости корректировки, а в том, какой внешний критерий её обосновывает.

Второй дефект существующих механизмов является их принадлежность национальным правопорядкам при международно-правовой природе самого права. Каждое государство исполняет обязанность в избранном им объёме, и ни одно не отвечает за совокупный результат. Возникает разрыв в ответственности в его классическом виде: множественность обязанных субъектов при отсутствии субъекта, обязанного к результату10.

Предлагается следующий критерий: обязанность государства обеспечить эффективное средство правовой защиты следует толковать как включающую обязанность устранить структурные препятствия, порождённые организацией причинителя вреда, в той мере, в какой нарушение достигает уровня грубого и лицо под юрисдикцией данного государства обладало способностью влиять на реализовавшийся риск.

Порог тяжести сохраняет защитную функцию раздельной правосубъектности для обычных требований. Критерий способности влиять шире критерия операционного вмешательства и охватывает случаи, где

10 De Coninck J. Effective Remedies for Human Rights Violations in EU CSDP Military Missions: Smoke and Mirrors in Human Rights Adjudication? // German Law Journal. 2023. Vol. 24. P. 342.

конструкция *Vedanta* не срабатывает. Процессуальное измерение требует перераспределения бремени доказывания по вопросу о контроле11.

Выводы. Право на эффективное средство защиты сформулировано применительно к нарушению, но не к структуре нарушителя, вследствие чего обязанность может быть формально исполнена и не исполнена по существу. Раздельная правосубъектность создаёт системное препятствие на материально-правовом, процессуальном и доказательственном уровнях. Существующие механизмы сужают, но не закрывают разрыв. Пределы принципа раздельной правосубъектности задаются внешними нормативными критериями, и рассматриваемое право является таким критерием.

Список литературы

1. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: документ ООН A/HRC/17/31 (2011). Принципы 3(d), 11, 13 и комментарий
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 23 марта 1976 г.) // UNTS. Vol. 999. P. 171. Ст. 2(3).
3. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьёзных нарушений международного гуманитарного права: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/147 от 16 декабря 2005 г.
4. Salomon v A Salomon & Co Ltd [1897] AC 22 (Палата лордов)
5. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Бельгия против Испании), вторая стадия: решение Международного суда ООН от 5 февраля 1970 г. // I.C.J. Reports 1970. P. 3. Пункты 56–58.

11 Vedanta Resources plc v Lungowe [2019] UKSC 20, [2020] AC 1045 (Верховный суд Соединённого Королевства).

6. Mares R. Liability within Corporate Groups: Parent Companies' Accountability for Subsidiary Human Rights Abuses // Research Handbook on Human Rights and Business / eds. S. Deva, D. Birchall. Cheltenham: Edward Elgar, 2020.
7. Vedanta Resources plc v Lungowe [2019] UKSC 20, [2020] AC 1045 (Верховный суд Соединённого Королевства).
8. Okpabi v Royal Dutch Shell plc [2021] UKSC 3, [2021] 1 WLR 1294 (Верховный суд Соединённого Королевства).
9. Закон Германии об обязанностях предприятий по проявлению должной осмотрительности в цепочках поставок (LkSG) от 16 июля 2021 г. // BGBl. I. 2021. S. 2959.
10. De Coninck J. Effective Remedies for Human Rights Violations in EU CSDP Military Missions: Smoke and Mirrors in Human Rights Adjudication? // German Law Journal. 2023. Vol. 24. P. 342.
11. Van Ho T. General Comment No 24 (2017) on State Obligations under the ICESCR in the Context of Business Activities (CESCR) // International Legal Materials. 2019. Vol. 58. P. 872.